

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Давид ЕВГЕНИДЗЕ:

«НАВЕРНОЕ, МНЕ ПОВЕЗЛО»

Обычно происходит наоборот: доскональное знание творчества героя будущей публикации пробуждает интерес к его личности, и вследствие этого рождается материал. В случае с Дато Евгенидзе произошло так, что все мое (да, думаю, не только мое) знание о его музыке ограничивалось несколькими сюжетами в «Утренней почте», где он играл джазовые композиции, да еще дополнялось личным впечатлением о зимнем вечере в Бакуриани, когда в кинозале турбазы «Солнечная долина» Дато подсел к роялю, попросил знакомых ребят, собравшихся вокруг него, сказать какое-нибудь, любое слово, а потом построил вокруг него целую музыкальную пьесу, тоже с джазовыми отголосками, проявив незаурядный талант импровизатора. А недавно случайно дошел слух, который и побудил встретиться с Дато: Евгенидзе что-то пишет для Большого театра. И лишь после всего этого, после знакомства с самим композитором, появилось желание не сиюминутно, а именно досконально познакомиться с тем, что он пишет. Настолько интригующие звучали в его рассказах названия прославленных групп, с которыми он сотрудничает, хореографов, которые с ним работают. Надеюсь, что подобное желание возникнет и у читателей.

— В Большом театре идут два моих дивертисмента, — рассказывает Дато. — Один — для солиста, его исполняет Александр Ветров. Произведение, которое театр заказал мне, называется «Мыслитель Родена». Второе произведение тоже заказное. Это — «Лебедина верность» — вещь для двух партнеров и детского хордбала. Оба номера включены в гастрольный концертный репертуар Большого театра.

А совсем недавно в Нью-Йорке для американских исполнителей Шамиль Ягудин поставил еще одну мою «Балетную картину».

— Зная, насколько трудно бывает пробиться молодым, можно только удивляться такому вниманию прославленного театра к молодому композитору, тем более, по инициативе самого театра. Как начиналось это сотрудничество?

— Ну, во-первых, я против деления композиторов на молодых и маститых. Эта демагогическая градация, по-моему, искусственно придумана «ведами». Композиторов нужно делить не по возрасту, а по творчеству.

Что же касается сотрудничества, то оно началось довольно неожиданно для меня. Хореограф из Большого присутствовал на сда-

Выпуск 172-й

че моей дипломной работы в Московской консерватории имени П. И. Чайковского. Видимо, произведение, которое я исполнял, понравилось. У меня попросили записать еще нескольких произведений для прослушивания руководством театра. И итогом этого стал первый заказ.

— Относительно обстановки внутри Большого театра сейчас в центральной прессе говорят очень много, причем, не в самых радужных тонах. Появление нового автора не было принято в штаны маститыми?

— Эти трения прошли мимо меня. Более того, французский хореограф Боккадоро (она сейчас работает в Большом театре, и именно благодаря ей я оказался в числе авторов этого театра) заказала мне и третий балет. Боккадоро в мире балета — человек известный, она ставила спектакли в знаменитой парижской «Гранд-опера». В отличие от предыдущих, наша будущая работа будет «полнометражным» балетом. Боккадоро сейчас работает над либретто. Балет будет посвящен юбилею Французской революции, который предстоит в будущем году.

К работе над музыкой еще одного балета я уже приступил непосредственно. Это будет двухактный балет в театре имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко по пьесе Шекспира «Укрощение строптивой». Ее мне заказал главный балетмейстер театра Дмитрий Брянцев.

— Заказы, заказы... Это не тяготит творческое «я» художника? Ведь заказ уже сам по себе подразумевает определенные рамки.

— Есть, конечно, немного. Но, с другой стороны, если я не приемлю тему предлагаемого произведения, я на нее не соглашусь. У каждого художника — своя тема. На производственную я, например, написать не смогу.

— Даже, если ее закажет «Гранд-опера»?

— При всей престижности — откажусь. А вот Шекспира я, в принципе, даже как заказ не воспринимаю. То, о чем он пишет, близко любому. То же самое и с Французской революцией. Хотя тут был один нюанс. Я предложил взглянуть на нее не глазами героя — участника, а просто человека, живущего в то время, впитывающего события со стороны. Боккадоро согласилась со мной, в этом направлении она и пишет либретто.

— Ну, а на «свои», незаказные темы время остается?

— Я ведь в последнее время еще писал музыку и к кинофильмам студии «Дебют». Работал над картинами «Автопортрет» Ираклия Бадурашвили, «Виноный» Ираклия Шавлашвили, сейчас пишу музыку к новому фильму Давида Джанелидзе.

Все это вместе с тем, о чем я раньше рассказывал, вынудило меня приостановить работы над «моим», как ты говоришь, произведением, — я пишу вокально-симфонический цикл «Песнь скорби» по Давиду Строителю. Очень жалею, что отложил, но, что делать.

— Пока это единственная нота сожаления, которая прозвучала в твоём рассказе. В остальном же все у тебя складывается как-то очень легко. В твоём воз-

расте ребята только пробивают еще дорогу в искусстве, а у тебя вот уже сколько успехов. И к тому же еще стихи недавно в «Ахалгазрда коммуниста» напечатали...

— Что касается стихов, то тут я себя профессионалом ни в коей мере не считаю. Но поэзию люблю, и, может, даже внезапно всплеснувшегося стихотворению обрадуюсь в первый момент больше, чем музыкальному произведению. И показать тебе могу сразу. А вот музыку — нет, дорабатывать буду, переделывать, пока сам не почувствую, что произведение закончено.

А о том, что складывается легко, так тут ты прав. Наверное, мне действительно везет. Я вообще верю в судьбу, и пока у меня есть все основания полностью ей довериться.

— Судьба успехами тебя действительно пока не обделяет. Но, между тем, имя Дато Евгенидзе широко известно, а ты, к сожалению, мало что говоришь. Тебя не волнует недостаток популярности?

— Известность не может не волновать, конечно. Но гораздо больше, чем ее отсутствие, меня огорчают причины, это определяющие. А причины — в низкой популярности серьезной музыки вообще. Обидно бывает выступать при полупустых залах. Но зритель в этом не виноват. По-моему, зритель всегда такой, каким его воспитывает исполнитель. А к нам в Тбилиси исполнители высокого класса, увы, приезжают редко. Что же касается своих «звезд», которыми грузинское искусство, к счастью, не обделено, то они чаще гастролруют, чем выступают дома.

— Но все же зрители постарше серьезную музыку слушают. Не воспринимает ее больше молодежь.

— Да, серьезная музыка требует концентрации, а молодежь себя особенно утруждать не хочет.

— Тебе не кажется, что, занявшись классической музыкой, ты в какой-то мере от молодежи, то бишь своих сверстников, отделился?

— Ни в коем случае. Просто для меня самого такого разделения на серьезную и легкую музыку не существует.

— Но оно существует для слушателя, а ты пишешь для него.

— Для меня будет счастьем, если моя музыка будет восприниматься любым слушателем.

— Вернемся к вопросу о популярности. У тебя ведь был сравнительно простой и, в то же время, достаточно надежный путь к известности. Ты прекрасно играешь джаз, импровизируешь...

— При всей моей огромной любви к этому направлению мне джаза не хватает.

— Но импровизация — пожалуй, главная отличительная черта джаза — это ведь не просто дар, а, если так можно сказать, образ мышления. В то же время, в классических произведениях особенно не импровизируешь. Как это совмещается в тебе?

— Конечно, исполнение классических произведений — свои работы для фортепиано я обычно исполняю сам — импровизацию не подразумевает. Но с другой стороны, любое творчество по сути и в основе своей

импровизационно. Без импровизации невозможен процесс работы.

— Музыкальные способности у тебя проявились рано?

— Да. Родители долго не хотели верить, когда я говорил им, что сам сочиняю. Когда мне было семь лет, по телевидению впервые прозвучала моя песня.

— У вас музыкальная семья?

— Нет, отец — строитель, мама — химик. Музыка «запала» в меня от бабушки. Она пела в Государственном грузинском хоре.

— Начиналось все с песен, и все же от эстрадных забот ты ушел?

— Нет, проблемы грузинской эстрады меня очень волнуют, тем более что сегодня они стоят очень и очень остро. Мне кажется, этот жанр долгие годы нещадно эксплуатировался в замкнутом кругу, не желая прислушиваться к новым веяниям. Городской романс, из которого вышла грузинская эстрада, сам по себе прекрасен и неповторим. Но его попросту износили. Три-четыре гармонии раз за разом выворачиваются, перетряхиваются и преподносятся затем, как новая песня. Музыка, которую принято называть легкой, — это жанр, не имеющий права даже на полшага отстать от сегодняшнего дня. А у нас пошли по пути наименьшего сопротивления. Скажем так, что для эстрады практически не пишут профессиональные композиторы, нет и хороших исполнителей.

— Извини, но давай пересмотрим упрек тебе. А почему ты сам не пишешь для эстрады? А то легко говорить — «не пишу»...

— В последнее время, из-за того, что очень много работы, я действительно мало писал песен. Хотя три-четыре за последний год написал. Их в телевизионных передачах исполняла Майя Джаба, для которой я, как правило, и пишу, потому что считаю ее одним из редких приятных исключений на грузинской эстраде.

Но дело даже не только во времени. Напишешь что-нибудь, и сразу сталкиваешься с огромным количеством других проблем. Сложно записать, найти студию, инструменты, аппаратуру. И все же, при всем этом, думаю, каждый композитор может хоть несколько песен написать для эстрады. А то больно сознавать, что Грузия, земля, без преувеличения, великой песенной культуры, сегодня в этом плане оказалась перед пропастью. А эстрада, вообще, я уверен, необходима так же, как и классическая музыка. Ведь человек не может постоянно находиться в одном состоянии, настроении. Нужно и то, и другое.

— Это с позиции слушателя. А у тебя, композитора, каким настроением соответствует то, над чем ты работаешь в тот или иной момент?

— Первый вопрос, на который мне трудно ответить. Я вообще против четкой определенности программности в музыке. Она закрывает путь к бесконечности, безграничности искусства.

Беседу вел
Михаил Елигулашвили.

Фотографировал
Георгий Цагарели.